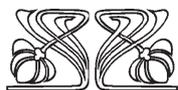
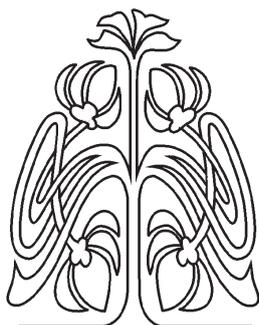
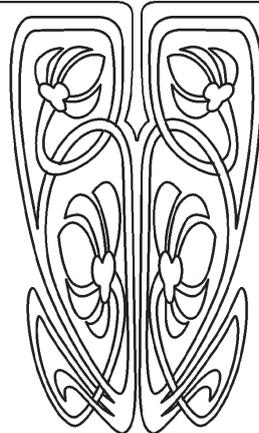

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 136–140

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 136–140

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-136-140>

EDN: QAKCEO

Научная статья
УДК 821.161.1.09

Интертекстуальные включения как средство создания комического эффекта (на материале смеховой литературы Древней Руси XVII в.)

И. В. Петрушков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Петрушков Илья Владимирович, аспирант, ассистент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

Аннотация. В статье исследуется роль интертекстуальных включений в создании комического эффекта в смеховой литературе Древней Руси XVII в. В качестве источников материала исследования представлены две повести, относящиеся к смеховой литературе Древней Руси XVII в.: «Повесть о бражнике» и «Сказание о крестьянском сыне». Культура Средневековья основана на христианском учении, в центре которого стоит библейский текст. Важными элементами в сюжетной и композиционной организации исследуемых текстов являются интертекстуальные включения, представленные библейскими аллюзиями и цитатами. Результаты лексико-стилистического анализа позволяют утверждать, что комический эффект, создаваемый с помощью интертекстуальных включений, реализуется за счёт контраста модальностей между текстом-источником и текстом-реципиентом, в основе которого лежит антитеза «небесное/земное». Несмотря на то что тексты, составляющие Библию, обладают различными художественными модальностями, цитируемые в исследуемых текстах эпизоды Ветхого и Нового Заветов не обладают именно сатирической модальностью, в результате чего между текстом-источником и текстом-реципиентом возникает конфликт, на основе которого и создаётся комический эффект. На языковом уровне это находит отражение в постоянном использовании в пределах одного предложения или в непосредственно следующих друг за другом предложениях лексических единиц с различной стилистической окраской. Каждая библейская аллюзия или цитата содержит церковнославянскую лексику, которая обладает торжественной и возвышенной окраской. В пародиях на библейский текст аллюзии и цитаты приобретают новое лексическое окружение, и в частности, церковнославянская лексика заменяется бытовой лексикой, что приводит к конфликту модальностей и, как следствие, к созданию комического эффекта.

Ключевые слова: интертекстуальные включения, смеховая литература Древней Руси XVII в., комический эффект, модальность

Для цитирования: Петрушков И. В. Интертекстуальные включения как средство создания комического эффекта (на материале смеховой литературы Древней Руси XVII в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-136-140>, EDN: QAKCEO
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Intertextual elements as a means of creating a comic effect (based on the 17th century Russian satires)

I. V. Petrushkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ilya V. Petrushkov, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

Abstract. This study aims to determine the role of intertextual elements in creating a comic effect in the 17th century Russian satires. Two novels representing the humorous literature of the 17th century Russia serve as the material of the research: *The Tale of Drunkard* and *The Tale of the Peasant's Son*. Medieval culture is based on Christianity with the biblical text at its core. Intertextual elements represented by biblical allusions and quotes are important elements in the plot and composition of the texts under research. The results of the analysis in terms of lexis and stylistics show that the comic effect created by intertextual elements is based on the contrast of modalities between the source and target texts, which is achieved due to the antithesis "heavenly/earthly". Despite the fact that the texts of the Bible have different artistic modalities, the episodes of the Old and New Testaments quoted in the texts in question do not possess satirical modality per se, which results in a conflict that develops between the target and the source texts, the comic effect being driven by this conflict. On the level of the language it is reflected in lexical units with different stylistic marking being constantly used within one sentence or in adjacent sentences. Each biblical allusion or quote contains Church Slavonic lexemes, which have solemn and sublime marking. In parodies on the biblical text allusions and quotes acquire new lexical environment, in particular, the Church Slavonic vocabulary is substituted by commonplace words, which leads to the conflict of modalities, and, consequently, creates a comic effect.

Keywords: intertextual elements, 17th century Russian satires, comic effect, modality

For citation: Petrushkov I. V. Intertextual elements as a means of creating a comic effect (based on the 17th century Russian satires). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 136–140 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-136-140>, EDN: QAKCEO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современная лингвистика при изучении текста фокусируется не только на внутренних связях текста, но и на отношениях, которые возникают между разными текстами, т.е. на его внешних связях. Последние в настоящее время активно исследуются в рамках теории интертекстуальности [1, с. 351]. Интертекстуальные включения помогают автору перенести в свой текст идеи текста-источника и использовать их для выражения собственного художественного замысла. Использование интертекстуальных включений сопровождается переосмыслением текста-источника. Если текст-источник является значимым для культуры, то вариативность его переосмысления будет постоянно расширяться. Непрерывный процесс переосмысления текста обогащает культуру новыми идеями.

Целью статьи является изучение особенностей использования интертекстуальных включений в смеховой литературе Древней Руси XVII в. В этой связи кратко остановимся на некоторых чертах данного направления литературы и его культурно-историческом контексте.

Культура Средневековья основана на христианском учении, в центре которого стоит библейский текст. В течение долгого времени единственными носителями письменной культуры были богословски образованные книжники, поэтому Библия становится источником идей для создания литературных произведений. Смеховая литература Древней Руси XVII в. относится к литературе перехода от Средневековья к Новому

времени [2, с. 68]. Русская культура становится более светской, в литературу проникают элементы народной культуры и народного языка, мотивы и идеи библейского текста «демократизируются».

Авторы смеховой литературы обращаются к Библии как к прецедентному тексту и используют в своих произведениях интертекстуальные включения – библейские аллюзии и цитаты.

В «Повести о бражнике» встречаются имена библейских персонажей (апостолы Пётр и Павел, царь Давид, Соломон, Иоанн Богослов) и отсылки к библейским сюжетам (убийство Урии (2 Цар. XI), строительство Храма (2 Пар. III) и т.д.). Текст повести состоит из пяти небольших эпизодов, повторяющих друг друга. Каждый раз, когда бражник стучится в райские врата, ему навстречу выходит святой и между ними завязывается разговор. Само произведение уже интертекстуально по своему замыслу. Оно является ответом на цитату из Библии: «Ни воры, ни лихоимцы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. VI, 10). Но бражник решает поспорить и доказать, что он может занять своё место в раю.

Каждый святой говорит о своих заслугах перед Богом, и становится очевидным, каким образом святые проявили стойкую веру во Христа:

1) апостол Пётр: «Аз есмь Петр апостол, поручил мне господь ключи царства небеснаго» [3, с. 107]. Пётр получил ключи от Царства Небесного из рук Христа, потому что первым признал

свою веру в Иисуса как посланника Бога. Когда Иисус спросил своих учеников, за кого они его почитают, апостол Пётр ответил ему: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. XVI, 16);

2) апостол Павел: «Аз есмь Павел апостол, крестил Ефиопскую землю» [3, с. 107]. Апостол Павел был избран Иисусом для распространения христианства среди язычников, когда Он явился ему на пути в Дамаск (Деян. XXVI, 17–18). Пётр и Павел в конце своей жизни приняли мученическую смерть в Риме и получили звание первоверховных апостолов;

3) царь Соломон: «Аз есмь царь Соломан Давидовичь, граде семь на дворе седить во святая святых» [3, с. 108]. Соломон – прославленный своей мудростью и богатствами царь Израиля, который во время своего царствования построил величественный храм Иегове, воздвигнутый им на г. Мория (3 Цар. VIII, 13);

4) царь Давид: «Аз есмь царь Давид» [3, с. 108]. Давид – избранный самим Богом царь Израиля (1 Цар. XVI, 12), который одержал большое количество побед, перенёс ковчег Завета в Иерусалим (2 Цар. VI, 17) и который является автором псалмов;

5) Иоанн Богослов: «Аз есмь Иван Богослов» [3, с. 108]. Иоанн Богослов – апостол и евангелист, ученик Иоанна Крестителя, к нему одному относятся слова Евангелия: *ученик, которого любил Иисус* (Ин. XIX, 25–26) и *который возлежал у груди Иисуса* (Ин. XIII, 23, 25) [4, с. 297].

Святые поочередно отказывают бражнику в просьбе войти в рай. Ссылки на библейские сюжеты помогают бражнику аргументировать и свою точку зрения в споре со святыми. Тот напоминает каждому из святых его тяжкий проступок и ставит под сомнение его святость. Апостолу Петру бражник напоминает о его предательстве и отречении от Христа после суда первосвященников (Мф. XXVI, 69–74): «Господине Петр, помниши ли при распятии господни трижды Христа отвер(г)ся, аз же тебе не слезы могли, тебе не быть в раю?» [3, с. 107]. Апостолу Павлу бражник напоминает об убийстве первомученика Стефана и об его участии в гонении на Иерусалимскую церковь (Деян. VII, 53–60; VIII, 1–3): «Господине Павел, помъниши ли, коли тебе дана власть при Темире царе архиерей побивати веру Христову, и ты, господине, первомученика Стефана камением побил, о чемъ ты в раю?» [3, с. 107–108]. Соломону бражник напоминает о его браках с язычницами и строительстве жертвенников для языческих богов (3 Цар. XI, 5–8): «Господине царь Соломан, помниши ли ты, коли жены своя послужал, а идолом поклонился, Христа отвер[г]ся» [3, с. 108]. Давиду

бражник напоминает о том, как тот соблазнил жену своего воина, Урии Хеттеянина, и отправил его на войну, чтобы там его убили (2 Цар. XI, 4; XI, 14–17): «Помниши ли, послал слугу своего Уляна да велел его убити, а жену его взял к себе на постелю?» [3, с. 108].

Возвышенная речь святых о своих заслугах перед Богом прерывается речью бражника, который напоминает им об их грехах.

Таким образом, слова бражника вступают в конфликт с тем, что было сказано самими святыми, и их образы в контексте произведения становятся неоднозначными.

Бражник очень свободно, на равных разговаривает со святыми. Каждый раз, когда наступает его черёд говорить, он задаёт святому прямой вопрос, тем самым выражая сомнение в его праведности: «...о чемъ ты в раю?». Этот же вопрос он задаёт и царю Давиду. В обращении к нему он использует слова с выраженной негативно морально-этической оценкой: «Зачем ты в раю, бражник, прелюбодейца?» [3, с. 108]. Бражник забывает о том, что разговаривает со святыми, и ориентируется в библейской истории не хуже своих собеседников.

Хочется отдельно обратить внимание, что в тексте произведения царь Соломон приобретает отчество: «Аз есмь царь Соломан Давидовичь...» [3, с. 108]. Использование отчества приближает Соломона к другой культурной традиции.

Спор с апостолами Петром и Павлом и царём Давидом заканчивается одной и той же авторской фразой: «Петр апостол отиде, посрамлен бысть»; «Павел отиде посрамлен»; «И царь Давид отиде посрамлен» [3, с. 107–108]. Данные фразы указывают на победу бражника в споре, но также с помощью этих фраз происходит перестройка модальностей от одного эпизода к другому, повествование вновь становится возвышенным.

В последнем эпизоде к бражнику выходит Иоанн Богослов. И бражник не находит ничего в биографии апостола, что могло бы выставить его как грешника, поэтому он начинает упрекать Иоанна за его слова из Евангелия: «В том же во еуангелии ты же написал: аще ли друг друга возлюбим, а бог нас обоих соблюдет» (Ин. XIII, 34) [3, с. 108–109]. Бражник ставит его перед сложным выбором: «Либо ты, господине, слово свое из еуангелия вырежешь, или руки своя из еуангелия отпишися» [3, с. 109]. Если бы Иоанн Богослов отказал бражнику войти в рай, то это породило бы противоречие между его действиями и тем, что он написал в евангелии, поэтому он открывает бражнику райские врата: «Брат мой милый, поди к нам в рай» [3, с. 109].

В конце повести происходит последняя перестройка модальности, где серьёзно и спокойно говорится о том, что самое важное – это вера в Бога и разумность: «...богу молитесь..., не будете без ума, и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители» [3, с. 109].

Другой тип интертекстуальных включений можно встретить в «Сказании о крестьянском сыне». Главный персонаж проникает на крестьянский двор, притворяется ангелом, крадёт всё, что плохо лежит, и уходит безнаказанным. В рамках произведения вор использует хорошо известные ему библейские цитаты в собственных корыстных интересах.

Первые высказывания крестьянского сына состоят из двух частей. Первая часть – это дословная или трансформированная цитата из Библии, а вторая часть – это пародия на цитату.

Когда вор оказывается перед воротами крестьянского двора, то он цитирует слова из Книги Бытия, с которых начинается всемирный потоп: «Отверзится, хляби небесныя...» [3, с. 110]. Полностью данный стих из Книги Бытия звучит следующим образом: «**Въ день той разверзашася вси источники бездны, и хляби небесныя шверзошася**» (Быт. VII, 11). Но в высказывании за дословной цитатой из Библии следует пародия на неё: «Отверзится, хляби небесныя, а нам врата крестьянская» [3, с. 110]. В пародии на цитату из Библии происходит замещение возвышенной лексики «хляби небесныя» бытовой лексикой «врата крестьянская». Согласно словарю древнего славянского языка, составленному по Остромирову Евангелию от 1899 г., слово «**хлябь**» означает «отверстие, водопад, шлюз» [5, с. 907]. В результате этого слово «**хляби**» теряет свой метафорический смысл, и цитата из Библии трансформируется семантически.

Когда вор попадает на крестьянский двор, то он произносит слова, которые предшествуют преображению Иисуса Христа: «Взыде Иисус на гору Фаворскую...» [3, с. 110]. В данном эпизоде из Библии рассказывается о том, как Моисей и Илия явились Иисусу, чтобы рассказать о его последних днях на земле, а голос небесный сказал Петру, Иакову и Иоанну, что этот человек – сын Бога. Но данная цитата не является дословной, и дословно данный стих из Евангелия звучит следующим образом: «**И по шести днехъ поатъ ии́съ петра и иакова и иоанна, и возведе ихъ на горѣ высокѣ ѡсобѣ единѣ: и превьразиса предъ ними**» (Мк. IX, 2). В тексте повести к данному эпизоду отсылает название горы (Фавор). Вторая часть высказывания представляет собой пародию на первую часть, где присутствует сопоставление восхождения Иисуса на гору Фавор и

крестьянского двора, куда проникает вор: «Взыде Иисус на гору Фаворскую со ученики своими, а я на двор крестьянскую с товарищи своими» [3, с. 110].

Когда вор проникает в дом крестьянина, то он вспоминает Елеонскую гору: «Взыде Иисус на гору Елеонскую помолитися...» [3, с. 110]. Елеонская гора неоднократно встречается в библейском тексте. Её название можно встретить в самых известных эпизодах Нового Завета: Иисус и женщина, уличённая в прелюбодеянии (Ин. VIII, 1), Признаки конца века (Мф. XXIV, 3) и т.д. Но данная цитата – это стих из Евангелия от Луки: «**Бысть же во дни тѣа изыде въ горѣ помолитиса: и бѣ ѡб ночь в мѣтвѣ бѣѣти**» (Лк. VI, 12). Елеонская гора – это ещё один значимый аллюзивный топоним. Он тесно связан с событием, которое произошло на горе: Иисус выбирает двенадцать учеников и называет их Апостолами. Во второй части высказывания происходит замещение «Елеонской горы» на «клеть крестьянскую»: «Взыде Иисус на гору Елеонскую помолитися, а я на клеть крестьянскую» [3, с. 110].

Выбор библейской цитаты зависит от действий главного персонажа. Когда крестьянский сын ворует одежду, то он произносит следующие слова: «Препоясываются Иисус лентием, а я крестьянские жены убрисом» [3, с. 111]. Данная цитата отсылает нас к Тайной вечери, когда Иисус взял полотенце и умыл ноги своим ученикам, чтобы показать пример бесконечной любви (Ин. XIII, 5). Дословно стих из Евангелия звучит следующим образом: «**воста ѿ вечери и положи ризы, и прїемь лентїонъ, преподасася**». В данном случае вместо церковнославянского слова «**лентїонъ**» используется разговорное слово «полотенце» [5, с. 364]. Затем крестьянский сын снова цитирует Евангелие: «Одеая светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою» [3, с. 111]. Данная цитата отсылает нас снова к преображению Иисуса Христа на горе Фавор: «**и превьразиса предъ ними и просвѣтиса лице бгѡ ѡакѡ солнце, ризы же бгѡ бѣша бѣлы ѡакѡ свѣтъ**» (Мф. XVII, 2). Здесь в пародируемой части вместо церковнославянского слова «**ризы**» используется общеупотребительное слово «шуба» [5, с. 733].

Каждая цитата содержит церковнославянскую лексику, которая обладает торжественной и возвышенной окраской, но в пародии на цитату она заменяется бытовой лексикой.

Когда крестьянский сын ворует еду, то его высказывания уже полностью состоят из дословных цитат: «Тело Христово примите, источника безсмертнаго вкусите» [3, с. 111]. Данная цитата

является строчкой из причастного стиха, которая произносится в конце Евхаристического канона. Когда крестьянский сын ворует пиво, то он цитирует Псалтырь: «Чашу спасения приму, имя господне призову. Алилуия» [3, с. 111]. Данная цитата – это также дословное воспроизведение стиха из Псалма 115.

Пародийный характер подобных нетрансформированных цитат становится очевидным благодаря использованию бытовой лексики в предшествующих предложениях: «И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а сам рече: „Тело Христово приимите, источника безсмертного вкусите“» [3, с. 111]; «И нашел в оловенике пиво и учал пити, а сам рече: „Чашу спасения приму, имя господне призову. Алилуия“» [3, с. 111]. Таким образом, за счёт нового контекстного окружения трансформируется план содержания цитаты, в то время как её план выражения остаётся неизменным.

В связи с тем, что в анализируемых произведениях используется разная по своей стилистической окраске лексика, то появляется контраст, который служит основой для создания комического эффекта. В свою очередь, стилистическая окраска соотносится с определённым типом эстетической модальности (или модусом художественности). Отметим, что термин «модальность» сам по себе не однозначен. В данной статье под модальностью понимается тип художественной целостности произведения, актуализация определённого типа художественной реальности [2, с. 127–128; 6, с. 34]

Однако Библия – это собрание текстов, которые объединяются в единый контекст и отграничиваются от остальных текстов. Тексты, которые входят в Библию, обладают различными эстетическими модальностями, поэтому определить доминирующий тип художественной реальности в Библии представляется трудным. Но можно с уверенностью сказать, что цитируемые эпизоды Ветхого и Нового Заветов не обладают сатирической модальностью. Таким образом, между текстом-источником и текстом-реципиентом возникает конфликт, на основе которого и создаётся комический эффект.

В анализируемых древнерусских сатирических повестях используются основные способы создания комического эффекта – нелепость по-

ложений и остроумный ответ [7, с. 687], которые лингвистически реализуются за счёт контраста модальностей. Благодаря этому наличие в произведениях оппозиции «небесное – земное» или «духовное – светское» становится очевидным. Но данная оппозиция не просто присутствует, а она снимается в рамках произведения.

В «Повести о бражнике» главный персонаж спорит наравне со святыми, в контексте произведения нарушаются все иерархические отношения, бражник и святые меняются своими местами, словно действие происходит в мире, где всё наоборот.

В «Сказании о крестьянском сыне» вор притворяется ангелом, другим существом, он надевает маску, переодевается, «говорит он все божественные словеса» и нарушает границы оппозиции «небесное – земное».

Равенство участников, переодевание и маска относятся к типичным проявлениям карнаваль-ной культуры Средневековья, где словесные смеховые произведения являются одной из её форм [8, с.15, 18–19, 48].

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. 444 с.
2. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М. : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. 358 с.
3. Русская демократическая сатира XVII века / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 292 с.
4. Библейская энциклопедия / сост. Никифор, архимандрит; худ. Г. Доре. 3-е изд. М. : Локид-Пресс ; Рипол Классик, 2005. 768 с. (Библиотека энциклопедических словарей).
5. Словарь древнего славянского языка / изд-е А. С. Суворина. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1899. 946 с.
6. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие. М. : Академия, 2009. 336 с.
7. История древнерусской литературы: Аналитическое пособие / отв. ред. А. С. Демин. М. : Языки славянских культур, 2008. 820 с.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 544 с.

Поступила в редакцию 24.07.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 30.01.2023

The article was submitted 24.07.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 30.01.2023